

Культура свободы

ТРУДНАЯ ТРОПА СВОБОДЫ

А.Е. РАЗУМОВ

Всему свое время, и время всякой вещи под небом.
Екклесиаст

Любое время – время для всего.
Вильям Шекспир

Во всеобщем неостановимом круговороте вещей, полагал Екклесиаст, или Проповедник, любая вещь или событие жестко привязаны ко времени, в котором они происходят. Отсюда следует, в частности, что человек не может быть в разные времена в одинаковой степени свободным в своих действиях. Время накладывает определенные ограничения. Время лишает любого абсолютного, безоговорочного права на свободу, даже если он царь над Израилем в Иерусалиме и познал мудрость. Впрочем, у автора еще будет возможность в рамках этих заметок поговорить на тему «власть и свобода». Пока же отметим возможность иных решений вопроса соотношения времени и деяния. Так, если поверить Антонию из «Антония и Клеопатры» Шекспира, время предоставляет человеку полную свободу «для всего», поэтому человек обязан в полной мере отвечать за свои поступки и их последствия. Это, конечно, не Екклесиаст. Хотя, быть может, не так уж сильно противоречат друг другу эти два знаменитых исторических персонажа. И более того, что характерно, их объединяет общая принадлежность к высшей из свобод, а именно, к свободе творчества. Об этой составляющей феномена свободы, разумеется, еще придется вести речь.

В разных идеологиях, теологиях и философиях существуют, как мы понимаем, разные толкования того, каким образом в рамках человеческого существования соотносятся времена и свободы. На наши представления (и бытие), скажем, сильно влияют генетика, физика, космология... Здесь нет никакой возможности внятно представить все, даже самые значительные, из известных вариантов соотношений времен и свобод, поэтому ограничимся только тем, что называется историческим временем – тем самым историческим временем, или временем истории, где реализуется человек и его свободы, где возможно примирение позиций мудреца

и историка, писателя и богослова Соломона и мудреца, писателя, драматурга Шекспира.

Строго говоря, нашей темой является попытка уяснить, куда ведет нас историческая память, вспомнить некоторые существенные ее фрагменты и рекомендации. Но следует отметить неизбежную в ряде мест скороговорку, из-за чего придется многое пропустить из того, что кажется мне относящимся к теме.

Для осмысленности предлагаемых поисков возможных ответов, позвольте внести необходимую (возможную) ясность в постановку вопросов. Подобно ряду других общих понятий, «свобода» вбирает в себя многие смыслы, отличается большим числом допустимых истолкований, заметим, не всегда между собою согласных и совместимых.

Свобода воли, свобода выбора, свобода слова, свобода совести, свобода мысли и пр., «свобода от» и «свобода для», как мы понимаем, — это разные свободы, и как бы в моей голове из этих «свобод» не образовалась изрядная каша. В России еще не так давно свобода слова замещалась простой болтовней, а раньше бывало, что и «орево стояло» (В.Э. Мейерхольд), причем не только в театре. Свобода шествий, митингов, собраний, свобода выборов провозглашались Конституцией во времена самой махровой деспотии. Стремление освободиться от давящего гнета государства может обернуться непредвиденным «хамодержавием» (К.С. Станиславский) и пр. Такая замечательная вещь, как свобода совести, может сопровождаться плясками девиц в Храме. В последние годы политическую актуальность приобрел вопрос свободы гомосексуальных браков. По мысли передовых умов, сегодняшнее демократическое сознание не должно некритически наследовать моральные и иные оценки ветхих времен Содомы и Гоморры, но обязано предложить собственные толкования политических прав геев и лесбиянок.

Не стану участвовать в обсуждении этого аспекта проблемы свободы ввиду недостаточного знакомства с предметом. Например, не изучил любовную поэзию Сафо и т.д. Однако считаю необходимым отметить, что коль скоро история предлагает разные толкования свободы, то и мне следует соблюдать аккуратность в употреблении этого понятия. Бесспорно то, что для пользы свободы ее следует ограничить некоторой необходимостью, логикой мысли, если получится, и строгими, неизменными, когда это возможно, значениями принятых терминов. Но разобраться надлежит не только в этом. В итоге нам следует проникнуть в глубинный смысл понятий и в эволюцию смыслов.

Не буду злоупотреблять вниманием читателя цитированием, ссылками на авторитеты и «точки зрения». Свободой мы станем считать возможность преодоления любых форм и видов внешней по отношению к «я» детерминации; способность человека-субъекта принять решение, затем действовать с целью достижения желаемого результата и возможность отказаться от любых действий. Далее необходимо различать свободу как объективную характеристику определенных деятельных форм человеческой активности и свободу как состояние личности, как ее субъективное переживание. Отметим, что популярная у нас «свобода как осознанная необходимость» — это частный случай свободы и понимания свободы.

Предлагаемое толкование свободы обязано охватить феномен в целом; оно получилось весьма общим, так как стремится включить самые разные свободы, часто противоречащие друг другу экзистенциальные смыслы. Поэтому соединить все фрагменты можно только в какой-нибудь абстрактной модели, в теоретическом построении, где многозначные, паранепротиворечивые логики и истины будут соседствовать с вероятностями результатов. Правда, в эффективности рекомендаций подобной конструкции практическому действию позволю себе усомниться. Конечно, во все, что касается собственных свобод, человек привносит факторы веры и интуиции; исторически и ситуационно изменчивую личную и групповую мотивацию, а значит, дополнительную неопределенность.

Мотивация может отклонять поведение от статистически ожидаемого, подвигнуть на поступки, которые станут отличаться от прогноза, основанного на анализе «объективных причин», особенно если имеющиеся неопределенности дополнить, подключив к ним политические, экономические, финансовые, идеологические мотивы и измерения (каждое — особая, отдельная тема) свободы. Мотивы вносят дополнительные вероятности в анализ поведения. Все так. И все же историческая наука мало похожа на квантовую механику. События истории более определены и доступны сознанию. Если правы те, кто сомневается в существовании Абсолютного Наблюдателя, то человек полностью несет ответственность за дарованную ему Природой свободу. Понятно при этом, что свобода человека может быть тем полнее, чем глубже он проникает познанием в физику, биологию, социологию окружающего, в психологию своего внутреннего мира. Впрочем, если Абсолютный Наблюдатель существует, он также не снимает с нас задачу, используя синтетические знания, проникать в тайны Природы или Творения.

Я веду к тому, что вместо абстрактных всеохватных конструкций, отслеживая неоспоримые достижения и пытаясь понять исходящие от свободы угрозы, следует привлечь к изучению проблемы философию как представителя синтетического знания, историческую память и саму историю. Можно вспомнить, скажем, такие достижения в познании необходимости и такие угрозы собственной экзистенции, о которых знали наши далекие предки времен только еще утверждавшегося философского мышления. Этот путь зовет нас в глубину веков, к разным культурам и цивилизациям, к истокам формирования личности и морали. Историческая память возвращает нас во времена перехода от массово-архаических, коллективистских, этнических или локальных религий к религиям личностного спасения, к феномену, который мы называем мировыми религиями. Уже тогда наши предки старались ограничить свободу моралью, чтобы сделать ее более приемлемой и безопасной.

Интересно, что поиски моральных регуляторов поведения происходили в разных, иногда мало, иногда вовсе не связанных взаимовлияниями культурах, что указывает на закономерный, общечеловеческий исторический характер проблемы. «Поступай по отношению к другому так, как ты хотел бы, чтобы он поступал по отношению к тебе», — это «золотое правило» морали встречается уже в ранних памятниках многих культур (у Конфуция, в «Махабхарате», в Библии). Аналоги золотого правила можно найти у Гомера (Одиссея) и в «Этике» Аристотеля, они присутствуют в буддизме, в исламе, и, конечно, в христианстве. Позже в потоках истории свобода мысли все это трансформирует в (похожие) системы морали, но в разные теории и разные практики. Вспомним, скажем, «априорный категорический императив» Канта¹, споры с ним и классовое несогласие; «моральный кодекс строителя коммунизма» и т.п. Случались времена «свободы от», вплоть до торжества свободы от морали и совести в России во времена сначала борьбы с «привилегиями», затем в период весьма инициативной приватизации финансов и «ничейной собственности»; во время введения (едва ли не указами Президента РФ) в стране демократии и гражданского общества, а также строительства правового цивилизованного (не коррумпированного) государства. Во всем, что касается человека, никогда до конца не ясно, какую из свобод он предпочтет в итоге. В результате этих усилий образовался и существует правящий слой, которому, по слухам, обязаны своим сегодняшним благоденствием сельские врачи, школьные учителя,

научные работники и многие другие граждане. Власти слухи не опровергают. Но, кажется, я отвлекся.

Для темы моих заметок принципиально важно, что свобода творит особую, специфическую историю. В ней не существует ничего однажды пройденного, к чему не стоит возвращаться мыслью. История, благодаря существованию свободы, — это сложный многомерный генезис, а не линейная последовательность этапов развития. Здесь следует не выбирать, а разыскивать проблемы.

История ведет человека каменистой тропой свободы и камни на пути разбрасывает сам человек, его антропология. Будем надеяться, что это дорога «через тернии к звездам», но пока главным врагом человека является сам человек. Дело в том, что новое порождение эволюции выпадало из общего порядка вещей. Речь идет не только о появлении сознания — феномена и предпосылки свободы. Речь о том, что генетическому Адаму не возбранялось в большом, все возрастающем количестве истреблять собратьев по генетике, по «творческой эволюции», чего в животном мире до него не случалось, но что он до сих пор проделывает. Ближайшее к нам XX столетие является пока чемпионом истории по количеству смертоубийств. Человек страшнее всех видов оружия, которые сам он придумал, опаснее термоядерной «слойки» гуманиста А.Д. Сахарова, ибо он не останавливается на достигнутом. Привлекая свободу мысли, не трудно предположить, что ныне специалисты исполняют заказ правительств по совершенствованию нанобомбы и психотропного оружия. Не убежден, что к такому порождению эволюции можно прилагать понятие «прогресс». Унаследовав от животного мира способность к агрессии, мы раскрасили «архаику» цветами собственной мысли и изобретательства.

Свободу насилия и убийства генетического брата пытаются ограничить моральные заповеди, опирающиеся на авторитет Бога: Не убий, не укради, «люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев. 19 : 18). Последнее, правда, относится только к «сынам народа твоего». Жалко, что замечательные заповеди адресованы прежде всего своим — своим по религиозной, этнической, национальной и иной групповой принадлежности. Задание с симпатией относиться к другому со временем осложнилось тем, что между братьями утвердилось разделение труда, формы и способы присвоения результатов физического, а затем и умственного труда собрата; возникли социальные группы, групповые интересы и групповое сознание, что вместе сильно затруднило и до сего дня затрудняет общую дорогу Свободы и сильно отодвигает торжество Ноосферы, как ее понимали, к примеру, В.И. Вернадский или

П. Тейяр де Шарден. Пока человек больше способствует деградации окружающей среды, приближая неотвратимость экологической катастрофы. Об этом не устал предупреждать человек многих знаний и универсального ума Н.Н. Моисеев, оставляя открытым вопрос: «Быть или не быть... человечеству?» Климатические аномалии последних лет происходят явно не без участия антропогенных факторов.

Академик Моисеев и другие ученые предупреждали о возможном «парниковом эффекте» и глобальном потеплении в результате выброса в атмосферу большого количества диоксида углерода². Надо бы в этом случае ограничить, а лучше устранить свободу выбора вовсе. Прodelать это, однако, совсем не просто. Здесь в тугой узел завязались индустриальный путь цивилизаций (главный поставщик диоксида), сверхприбыли монополий на этом пути, мировые финансы, а также блага, которые несут в себе индустрия и постиндустриальное общество. Так что упрощать проблему не следует, но осознать ее как одну из главных проблем глобализма надо. Поддаваться тревожным настроениям не стоит, но что-то слишком вяло вмешивается в поиски возможных вариантов решений всечеловеческий Коллективный Разум, — Мировой Нус, так сказать. Как этот мировой ум активизировать — не знаю, но ясно, что течение эволюционного процесса следует направить в другое русло. Необходимо пробудить в мировом разуме новое политическое и экологическое мышление. К этому, разумеется, следует привлечь авторитет и влияние определенных организаций (не только ООН и СБ). Придется сказать о них несколько слов.

Свобода от диктатуры внешних причин и обстоятельств не может быть независимой от целого ряда организаций. Даже самая интимная из всех человеческих свобод, а именно, свобода мысли, в отдельном «я» существует только вместе с незримо присутствующим в нем человечеством; зависит от того, что «я» успело ухватить, странствуя мыслью по мирам времен и пространств. Роль организаций при этом переоценить трудно. Не одной, подчеркнем, а нескольких организаций, конкурирующих за влияние на мою личность, претендующих на главные роли в формировании моего внутреннего мира. Эти организации ограничивают сферу моего свободного поиска, задавая его направления и рисуют картину мира, где я обретаюсь, т.е. весь мой Космос. Радикально освободиться из-под контроля, кроме безумия, может еще и гениальность. Но во всяком случае следует отдать должное организациям (таким как семья, школа, вуз, исследовательские и художественные школы, Академия наук и пр., церковь, государство, политическая

партия и др.) — они меня формируют и воспитывают, предоставляя возможность соучастия в поисках Истины и Свободы. Мои восторги, правда, несколько умеряет давняя и новейшая историческая память, каковая свидетельствует, что организации могут при случае не только прищемить мою индивидуальность мнением большинства или параграфом устава, но и в пыль растереть мою личность на какой-нибудь скрижали веры. Для того чтобы организации в положительном смысле имели возможность участвовать в «синергии», в самоорганизации личности, в бифуркации и свободе выбора, как советовал истории физик, лауреат Нобелевской премии И.Р. Пригожин³, желательно привнести в историю нравственную ценность субъективных, личностных свобод. Хорошо бы, чтобы задача освобождения личности стала целью всякой организации, но сегодня это слишком напоминает прекрасную утопию, не в последнюю очередь потому, что организации формируют идеологии, бывает, что и политические идеологии, а политические идеологии участвуют в руководстве организациями. Политические идеологии ориентированы не на отдельную личность, а на большие группы людей и на всеобщие цели; они любят «мировой пролетариат» с пролетарским имущественным равенством или «средний класс», или зовут к неограниченному накоплению на основе частной инициативы. Отдельный разговор, скажем, о последствиях случавшихся расовых предпочтений. Свободная личность с трудом укладывается в рамки многих организаций, в особенности образующих государство.

Словом, для восстановления утраченного равновесия между человеком и природой, для проникновения в глубины Мирового Разума использовать влияние организаций не просто. Сегодня положение меняется. Растет политическая активность народов и их независимость от произвола властей. Мы еще несем родимые пятна прошлого, но уже начинаем понимать, что вершина политической власти редко бывает вершиной политического ума. И не только в моей стране. Протестные движения, правда, не всегда оправданы и разумны, и путь к свободе не близкий. Но, как нас ставит мудрость Лао-цзы: «Дорога в тысячу ли начинается с одного шага». Можно начать движение с проблем сохранения условий для жизни, с экологии... Тем более, что грозит неконтролируемый рост населения планеты, истощение запасов питьевой воды и вооруженные конфликты по этому поводу. Проблематизируя, но не отвергая роль организаций, можно вспомнить, что «спасение утопающих — дело рук самих утопающих»!

В этой связи самое время вернуться к началу нашего разговора, чтобы сказать, что помню о высшей из свобод, а именно, о свободе

творчества. Первым предоставить слово я, недостойный, решил Екклесиасту и Шекспиру, потому что в них ярким образом воплотился дар Творчества. А, значит, и свободы. Можно было бы обратиться к другим мастерам, другим авторам шедевров. Каждый из них неповторим и уникален, и у меня была возможность выбора. Но хочу сказать еще и о том важнейшем, что творчество является главной отличительной особенностью, основополагающим началом, атрибутом личности. Человек в той степени является личностью, в какой в нем присутствует и реализуется творчество. Творчество образует главный (не единственный) смысл жизни; в творчестве реализуется то, зачем «я» явился в мир и хочу рассказать о себе другому. В этом смысле можно отметить, что любое время — для всего. Для творчества. Творцами могут быть кузнец и хлебороб; созидаящий гармонию звуков, красок и слов, гармонию в камне и бронзе; познающий мир и стремящийся его сохранить или переделать к лучшему. Не всякая личность являет себя миру в одинаковой степени. Одна проникает в глубины сознания, другая плещется на мелководье. Есть личности разных масштабов. Но я знаю и верю, что пока сохраняется способность человека-личности к творчеству, смысл жизни для многих не будет сводиться только к пропитанию, карьерному росту и обладанию. Они продолжают свой долгий путь к свободе, на них мои главные упования и гуманитарные надежды.

Николай Бердяев учил о «безначальной свободе творчества», которая существует вне и независимо от Бога. Так далеко, до свободы Творца моя мысль не достигает, но нахожу весьма глубокими мысли Бердяева о свободе. В частности, о свободе как о его внутреннем переживании свободы.

Бердяева называли философом свободы⁴. Свобода для него «первичнее бытия», она лежит в основании его личности. Не стану пересказывать Бердяева, лучше отошлю к его «Самопознанию».

Свобода является понятием, которое присутствует в контексте любого разговора о человеке. Сейчас у меня возникло желание отождествить или, по крайней мере, связать свободу человека и его право на выбор. Кажется, настало время выполнить еще одно обещание, данное в начале статьи, а именно, разобраться с вопросом «свобода и власть». Речь пойдет не просто о власти, но о политической власти и нет сомнения, что она оказывает влияние на свободу нашего выбора.

Начнем с того, что властью приходится признать возможность и способность принимать решения, влияющие на объективные отношения, на жизнь и мышление, на свободу миллионов под-

властных. Причем это влияние не следует ограничивать только хозяйством, финансами, охраной общественного порядка, заботой об армии и другими важными заданиями в рамках государственного управления. Кроме того, для понимания темы «свобода и власть» следует разобраться с приоритетами власти.

Любая власть утверждает, что только что перечисленные задачи имеют своей высшей целью народное благо. Слово «народ» является обязательной частью заклинаний в культовых обрядах партийно-государственных властей. В России — вчера и сегодня. Невзирая на перемены в обрядах и декларациях, обычай апелляции к народу сохранился вполне. Власть благоволит народу, а народ свободно избирает себе власть. Именно этот лозунг написан на знаменах демократических избирательных компаний. Много лестного о себе узнает народ от кандидатов, доходчиво разъясняющих, какой именно жизни достоин гражданин-избиратель. Со своей стороны, избранник готов приложить максимум усилий, чтобы оправдать оказанное ему доверие. Так было, скажем, во время избрания (февраль — март 2012 г.) Президента РФ. Тем более трудно понять, почему при таких благоприятных исходных посылах куда-то исчезает свобода большинства. Свободна ли сама власть при этом? Для ответа надлежит проследить, в чем заключается отечественная, российская специфика отношений народа и власти. Думаю, что надо все же разобраться с вопросом о приоритетах властей. О любви и симпатии к народу уже говорилось, теперь следует выяснить о каком народе идет речь. Очевидно, власть любит не всякий народ (население) и не одинаково относится к его слагаемым. Более всего, при нормальном, рутинном ходе событий, она, ясное дело, более всего благосклонна к собственным ветвям, которые прорастают имуществом и иными плодами — законодательной, исполнительной и судебной. Заметим, что каждая ветвь знает свое место в общем раскладе сил и ведет себя соответственно. Конечно, говоря о любви, следует выделить государство, т.е. главным образом управленческий аппарат и все те органы, которые составляют власть и способствуют ее сохранению. Большую привязанность испытывает власть к собственным поклонникам, в особенности к тем из них, которые в состоянии оказать ей серьезную финансовую поддержку, но при этом не свободна от их любви. Словом, более всякого другого, российская власть любит себя, почитание и уважение, что не слишком отличает ее от многих зарубежных коллег.

Давайте поговорим немного о наших российских особенностях. За последние два десятка лет сложилась специфическая система управления, когда реальная власть — не вполне то, что избирает и

чувствует обыватель. В России, кроме официальной президентской вертикали власти, кроме управляющей финансово-политической элиты, весьма влиятельных, организованных преступных групп, сложился управленческий, отнюдь не бедствующий, социальный класс, состоящий из чиновников разного уровня, который внес собственный вклад в практику и идеологию управления. Существенным слагаемым классовой идеологии огромного, возрастающего числа «столоначальников» стал отказ догматически следовать древней заповеди «не укради». Несмотря на гуманизм и отмену смертной казни, в том числе за «хищения в особо крупных размерах», несмотря на переименование коррумпированной милиции в неподкупную полицию, «укради» питает чиновный политический класс. Ясно, что у него имеются соратники по убеждениям в других слоях народонаселения с весьма либеральным отношением к «не укради».

Я вовсе не хочу сказать, что заповедь, некогда выбитая Господом на скрижали, совсем утратила силу в современной России. Наверняка существуют острова и материки честности в предполагаемом океане воровства. Существуют, надо думать, добросовестные, глубоко порядочные чиновники. Я не о них. Я имею в виду политический класс, социальный тип, который фактически управляет народом России не меньше, чем Президент и, конечно, не меньше, чем Конституция. Здесь вполне можно обнаружить определенный тип свободы. Не испрашивая дозволений у Конституции с Президентом, чиновник по собственной инициативе фактически перераспределяет бюджетные средства, корректирует заработную плату и пенсии граждан благодаря тому, что сотворил коррупцию важным слагаемым бюрократического управления.

Как можно понять, опираясь на собственные наблюдения и отслеживая это в средствах массовой информации, воровство, взятки и подкуп образуют устойчивые системы связей, вертикали и горизонталы; они создают особые социальные группы со своей психологией, ценностными установками и интересами. Мы имеем дело с особой онтологией, достойной внимания аналитика. Этот фактор воровства носит системный, фундаментальный характер, чего упорно не желает замечать верховная власть; он образует сферы влияния в области экономических отношений и политического управления. После (неоконченной) истории с министром Сердюковым, не будет преувеличением сказать, что этот фактор проникает в систему обороны и теперь это забота не одного только Верховного Главнокомандующего. Но вот от каких забот его и чиновника точно следует освободить, так это от руководства наукой,

тем более, от прямого, непосредственного руководства и, тем более, фундаментальной наукой.

Не стоит позволять чиновнику управлять мыслью сограждан. Власть в целом хорошо бы ограничить в подобном стремлении. Конечно, контроль за движением политической мысли является одним из важных заданий, данных власти обществом, ибо бесконтрольная свобода мысли может не только повлечь политическую нестабильность, «брожение умов, ни в чем не твердых», но и быть опасной и разрушительной. Возможные следствия этого прекрасно известны. Контроль за состоянием умов необходим, но формы контроля могут быть разными. Они и были разными. От морального, религиозного или «научно идеологического» сдерживания свободы мысли и поступка, до концлагерей и ГУЛАГа. Особый разговор — об отечественной специфике правового регулирования жизни народонаселения страны, о соотношении в этом плане закона, беззакония и власти, об исторических корнях этого соотношения.

Власть является примером группового мышления и подвержена тем же опасностям свободы, как и те, кем она руководит. Она и сама нуждается в контроле в разных формах, поэтому отрандно видеть появление таких форм, как Общественная палата, Народный фронт и развитие форм самоуправления. То, что Президент пытается завязать и вести диалог с народом, достойно похвал. Но особенно обольщаться не стоит. Какой может быть диалог между финансово более чем благополучной властью и миллионами людей, находящихся на грани выживания? Диалог может быть продуктивным только между более или менее равными партнерами и при наличии равенства в правах. Но не нужно никаких имущественных революций, нужна революция в умах. Предстоит долгий путь изменения сознания, которое наступит не иначе как вслед за изменением групповых интересов, устранением упомянутой скрытой онтологии и разумным ограничением власти чиновного класса. Каким образом этот путь прошагать, давайте думать вместе. Можно даже Карла Маркса привлечь. На этом я прерываю разговор о власти (и свободе) и хочу порассуждать по поводу народа.

Некогда, на излете своей культурно-исторической эпохи мудрец и политик Луций Анней Сенека изрек знаменитое: «*Vox populi — vox Dei*» («Глас народа — глас Божий»). Ко всему прочему, это означает, что народ — суверен и обладает полной свободой действий. Однако со времен автора изречения, убиенного собственным воспитанником Нероном, история не раз могла убедиться, что глас народа

звучал иногда тоньше комариного писка, а иногда бывал неистово разрушительным. «Бог» чаще всего «голосовал» за правителей, иногда — за народ, но в итоге решил пока, где можно вводить демократию, т.е. приучить народ и власть организовывать совместную жизнь, опираясь не на силу, а на закон и право. С высоты этого требования следует сказать, что Россия никогда ранее не жила при демократии и не вполне живет при демократии теперь. Напомню, что в России сложные отношения с правом можно проследить, начиная с царей и царевубийств и кончая «голью кабацкой». А между ними сановное воровство и воспетые в народных преданиях разбойные казаки, вроде Разина, Пугачева или менее известного, но удостоенного песни «разбойничка», атамана Чуркина, исправленного православием Кудеяра и многих других. Словом, мы в России имеем все основания согласиться с современником французской революции и Наполеона графом Жозефом де Местром: «Каждый народ имеет то правительство, какого достоин». Теперь следует проследить, из чего проистекает наше народное «достоинство», которому теперь соответствует правительство.

Подобно многим моим соотечественникам, с детских лет я гордился тем, что родился и произрастаю в лучшем из миров и вольно дышу в самой могучей и свободной стране. Но время шло, и я догадался, что правдой в песне о вольном дыхании на просторах России является только то, что «я другой такой страны не знаю». Ни такой, ни какой-либо иной. И не я один. И Великий Инквизитор Союза ССР толкует Христу: «У нас все будут счастливы... Мы убедим их, что они только тогда станут свободными, когда откажутся от свободы своей». Совсем как в Легенде, рассказанной Иваном Карамазовым. Мое и моих братьев достоинство формировалось в обстоятельствах, среди которых — войны, Победа и годы тяжких, голодных восстановлений. Страна великих культурных и научно-технических достижений и глубочайших социальных провалов — она всегда была загадкой, причем не только для внешнего наблюдателя. В любви к России было и есть много странностей. Какой, как не странной можно назвать любовь к стране тех, кто был из нее насильственно выдворен или определен в ГУЛАГ мечтателями о лучшей жизни для всех. Изгнанный Сергей Рахманинов несколько раз анонимно переводил на родину большие суммы денег «от почитателя России». Конечно, это «странная» любовь, ибо это объединенная любовь-вера. Любовь не к настоящему, а к прошлому и будущему. Вера в историческую миссию России, в ее способность, преодолев «разруху в головах», стать гарантом мирового равноправия и стабильности.

Однако я вовсе не убежден, что мы последовали совету профессора Преображенского из «Собачьего сердца» и преодолели «разруху в головах». Чтобы объясниться, продолжу о народе. Для выявления возможных причин «разрухи» предлагаю пойти несколько дальше графа де Местра и объявить, что каждый народ имеет ту историю, которой он достоин, а история выявляет степень его достоинства. Посмотрим на народ (народы) России под этим углом зрения. Мировые, локальные и гражданские войны, революции только в одном столетии, тяжелейшие восстановления и пр. — все это хорошо известно моему предполагаемому читателю. Я же хочу подчеркнуть, что такая история могла породить стремление к свободе и чувство собственного достоинства, но не могла воспитать такого «субъекта» мирового процесса, который полностью отдает себе отчет, в чем заключается его подлинная свобода и достоинство, т.е. знает о своих правах, обязанностях и месте в истории. Развитое политическое сознание попросту не могло возникнуть в нашей истории. Не хватало времени.

Для выполнения задачи нужно, как минимум, повысить уровень гуманитарного и высшего гуманитарного образования. Ныне оно зажимается в финансовые тиски и вряд ли положение в ближайшее время существенно изменится. Между тем финансирование — только начало, важнее предоставить науке автономию, устранив или сведя к минимуму руководящее вмешательство государственного чиновника. Еще, если кто не догадывается, гуманитарное образование нужно для производства «субъекта познания», т.е. и для тех, кто работает в области точных наук. Особое место в гуманитарном образовании занимает философия. Она обучает науке и искусству мышления. Стимулирует и направляет свободу мысли, особенно если она не принуждается властью обслуживать догматы политической идеологии. Подчеркну, что речь идет именно о политической идеологии. Специфические идеологии, т.е. идеи и логику идей, она производит сама, правда, под давлением науки и культуры в целом, часто подчиняясь этому давлению, а также, естественно, под давлением собственной истории, которая в значительной степени является историей мысли — историей эволюции и революций в сознании.

Для преодоления неустроенности в собственной голове, я должен прежде всего понять, что именно я должен изменить в себе. В себе и в своем отношении к другому. Я должен научиться мыслить и говорить так, чтобы быть понятным другому. Я обязан научиться понимать этого другого, т.е. стать «гражданином мира», как советовал еще Иммануил Кант. Кант рекомендовал жить в «граждан-

ском обществе», и есть смысл прислушаться к его рекомендации. То, что у нас соорудили власти за последние два десятка лет, они называют гражданским обществом и, похоже, это наш вклад в историю мысли мировых цивилизаций. Никогда еще не называли гражданским общество, которое изнутри разъедает коррупция; вертикали и горизонталы коррупции. Давайте все же попытаемся построить традиционное общество, если уж многие принялись глядеть на иноземные, западные стандарты и демократии. Построим, отказавшись от современной российской специфики, избрав новую. В таком традиционном новом обществе, хотя народ и я будем иметь то правительство, которого достойны, руководить нами станет другая, более достойная власть. Сегодняшняя, учитывая начальные условия, — не самая худшая из тех, с которыми мне довелось жить, хотя она — не власть моей мечты. Нынешний глава государства далеко не самый худший из предшественников, во всяком случае. Скажу еще, что не слышал о такой безошибочной власти, которая может всем безоговорочно нравиться, поэтому членам гражданского общества никогда не стоит уклоняться от продуманного участия в решении политических вопросов. Возможно, тогда, в таком обществе народное большинство поймет и станет исполнять Завет: «Моя свобода кончается там, где начинается свобода другого».

То, что написано выше, относится не столько к идее подлинной, высшей свободы человека, сколько к идеологии ее существования во времени, к возможностям ее исторического прочтения и моего понимания, возникающих при этом смыслов. Время творит разного типа личности, и законы познания рекомендуют проследить и не забывать этапы и вехи пути. «И помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой... чтобы смирить тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его или нет», — советовал своему народу Моисей, ведя его из рабства к свободе (Втор. 8 : 2). Пройденный путь надлежит помнить затем, чтобы понять, куда он ведет, куда должен привести в итоге. Призывая к морали, Моисей, понятно, звал к лучшему, что есть в человеке, к свободному совершенному человеку.

История знала несколько выдающихся персонажей, претендующих на роль Совершенного Человека, даже на роль Бога или Слова Бога, при этом каждый из них обладал своей философией и теологией образа, каждый вошел в историю со своей моральной проповедью. По понятным причинам мне ближе всего Иисус из Назарета. Спаситель больше других исторических совершенных персон участвовал в формировании моей личности, разъяснял

мне меру ответственности за себя и за происходящее. Сознаюсь, что усвоил я не каждое слово Нового Завета. Каждый из идеальных людей пророс обильными всходами мифологий. И один из мифов настаивает, что именно на этих людей мы станем похожи в отдаленном будущем. Конечно, это миф. Но «миф — это жизнь», — утверждал величайший знаток мифологии Алексей Федорович Лосев. Мераб Мамардашвили называл миф «человекообразующей машиной»⁵. Мы постоянно разоблачаем какие-нибудь мифы, чтобы на их месте утвердить другие, правда, не всегда их можно назвать человекообразующими, как в случае, когда в народном сознании место идеала занимает идол, а массы превращаются в толпы (как в Германии в середине ушедшего века).

Сегодня космология, физика энергии, тяготения и времени настаивают, что абсолютного совершенства в природе не существует. Мир несовершенен, и все, что рождено во времени, однажды навсегда исчезнет. Мы появились и живем, утверждает наука, благодаря несовершенству, изменчивости каждого состояния Вселенной и исчезнем по той же причине. Но думать о предстоящем окончательном исчезновении грустно, поэтому я нуждаюсь в мифе. Миф выводит меня за пределы мира физики, биологии и событийной истории в область воображения. Это созидающее воображение. Мне хочется понять миф, как своеобразное истолкование реальности и отклонение от нее в сторону воображаемого и желаемого. Но миф продуктивен только в том случае, если он не утрачивает связи с реальностью. Бывает, что вымысел оказывается влиятельнее и конструктивнее нелицеприятной действительности. История знала такие примеры. Будем надеяться, что и наши мечты о наступлении эры свободного совершенного человека окажут стимулирующее влияние на продвижение к лучшему общественному состоянию. Вспомним миф о всеобщем коммунистическом равенстве перед Богом. Вспомним и подивимся мудрости древних. На жизнь потомков она влияет уже не одну тысячу лет. В конце концов, многое зарождалось в глубинах небытия.

Итак, свобода — это гораздо более многосмысленное и более проблемное понятие, чем оно видится обыденному сознанию. И более проблемная практика. Свобода является не только желанным состоянием души и тела, мысли и деяния, но и тяжким грузом ответственности, возложенным природой на одно из своих произведений. Она существует в той мере, в какой человек не должен подчиняться космической необходимости. Человек отвечает за всю земную биосферу, даже за атмосферу в последнее время. Но более всего он отвечает за самого себя, за свое бытие во времени.

Мы путешествовали в трех временах: прошлое, настоящее, будущее. «Правильнее говорить так: есть три времени — настоящее прошлого, настоящее настоящего и настоящее будущего... это память, непосредственное созерцание и ожидание», — учил Августин Аврелий⁶. Правильно учил, ибо мы глядим на времена и на само «время» с позиции своего настоящего. При этом движение самого настоящего меняет наше отношение к прежним позициям. Иногда радикально меняет. Не зря мы договаривались, что в природе не существует ничего абсолютного и совершенного. Сегодня «настоящее будущего» непредсказуемо, поскольку идущие за нами сами выбирают дороги. Реальный человек амбивалентен: в нем борются недочеловек со сверхчеловеком. Может быть, мы дойдем до такого этапа самодвижения, когда достойное будущее станет сотворимым.

В этой работе, разумеется, автор не мог и не претендовал на то, чтобы отследить весь путь к свободе и человеку. Мы видели только отдельные следы на дороге. Глубокие и не очень. Их, однако, достаточно, чтобы понять Завет — то важное, что пришло к нам от предков: человек не должен подчиняться другому человеку, но только Богу (или лучшему, что есть в человеке), морали, долгу, закону. Свободное общество предполагает свободное долженствование. Чем больше прав, чем сильнее Закон, тем больше Свободы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее по поводу толкований Канта см.: Гулыга А.В. Кант. — М., 1994.

² См.: Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? — М., 1999.

³ См.: Пригожин И.Р. Конец определенности. — Ижевск, 1999.

⁴ См.: Бердяев Н.А. Самопознание. — М., 2004.

⁵ Мамардашвили М.К. Пути к очевидности. — М., 1990. С. 13.

⁶ Августин Аврелий. Исповедь. — М.: Канон, 2005. С. 222.

Аннотация

Свобода — более многосмысленное понятие и более проблемная практика, чем это видится обыденному сознанию. Свобода является не только желанным состоянием души, мысли и деяния, но и грузом ответственности, возложенным на человека природой. Свобода предполагает долженствование. Чем больше прав, чем сильнее Закон, тем больше Свободы.

Ключевые слова: свобода, закон, право, власть, выбор, мораль, человек.

Summary

Freedom is a more meaningful notion and a more problematic practice than it seems to ordinary mind. Freedom is not only a desirable state of soul, thought and act, but the load of responsibility the man bears before nature. Freedom supposes duty. The more rights, the stronger the Law, the more Freedom.

Keywords: freedom, law, rights, power, choice, moral, man.